

Российский писатель

ГАЗЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

№ 2-3 (149-150), февраль 2007 г.

Тема

Николай Дорошенко

Момент истины

Холодные войны, как и горячие, полны примеров не только отваги, но и особой дерзости. Например, на пике последних «холодных» противостояний Россия египетским кинематографом была поставлена в один ряд с Северной Кореей. Хотя лет десять назад, когда, например, русские деятели культуры были в России такими же бесправными, как и, например, евреи да цыгане в фашистской Германии, российская «молодая демократия» иностранных оценщиков вполне устраивала.

Не стану утверждать, что сегодня госчиновники уже безрасовых предрассудков финансируют развитие отечественной культуры. Но даже вроде бы не только секс- и национальным меньшинствам, а и представителям традиционного для России русского большинства стали иногда вручаться государственные награды.

И - честное слово, я чуть ли не разрыдался от восторга, когда наш Президент на встрече с НАТОвской верхушкой не стал дирижировать оркестром и изображать из себя в соответствии с «общемировыми ценностями» человека с большой головой. Когда он вот так вдруг прямо, без загогулин, сказал о виноградном либеральном обкоме все, что мы, российское большинство, уже давно знаем и с чем, как показали опросы, невольно согласились 75% граждан ФРГ.

Ах, какое замечательное, какое же это сладкое ощущение нравственного родства с главою собственного государства! Не зря ведь и Лев Толстой, рассказывая о роковых событиях противостояния России с объединенной Наполеоном Европой, счел необходимым показать Петю Ростова (самую светлую русскую душу!) влюбленным в своего Государя Императора.

Впрочем, какой-нибудь наш романтик наверняка напишет трагическую историю чувств современного Петя Ростова, уже возмужавшего, уже вернувшегося, например, из Афганистана и вдруг обнаружившего, что его Родиной правят инопланетяне, которые в силу своего непонимания нравственных основ земной цивилизации, наивно полагают, что земляне более всего ценят расизм, жестокосердие и предательство. Год за годом беспомощные и абсолютно бесправные россияне будут гадать о своем будущем по тем свечкам, с которыми инопланетяне, дабы не пугать землян своим слишком уж нечеловеческим видом, в праздники будут появляться в Божьих Храмах. А в последней сцене этого жуткого романа Петя Ростов включит телевизор и вдруг увидит, что главный наследник Кремля - сам Президент! - уже вполне очеловечился, и неприятелям, решившим известить россиян, читает ответ не с листа, а с чувствительного к правде и справедливости Петиного сердца.

Но, боюсь, что только самый наивный читатель воспримет эту сцену с умилением. А читатель более мудрый сначала представит всю величину заврашнего Петиного разочарования. И - содрогнется.

Но, как в подобных случаях говорила моя мать, дайте самому доверчивому человеческому сердцу остаться хоть на минутку радостным, а там уже что Бог даст, то и будет.

Вера и духовно-нравственная среда современной школы

XV Рождественские образовательные чтения

В рамках XV Рождественских образовательных чтений 1 февраля в конференц-зале Союза писателей России состоялось заседание секции «Реформы образования: вера и духовно-нравственная среда современной школы». Секцию подготовили и провели — доктор филологических наук профессор, член Комиссии по школьному образованию РАН Всеволод Юрьевич Троицкий и сопредседатель Союза писателей России, доктор исторических наук профессор Сергей Вячеславович Перевезенцев.

Во главу угла были поставлены не только общие проблемы современного образования, но и конкретные предложения, рекомендации, выработанные в ходе чтений. Следует также отметить, что в последнее время Рождественские чтения все более и более превращаются в собрания по обмену опытом, являясь некоей духоподъемной силой для тех, кто работает на этом «поприще широком».

Окончание на стр. 6

Имя

РУССКИЙ ВИТЯЗЬ ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

В этом году выдающемуся русскому писателю В.И. Белову исполнится 75 лет

Русские писатели как живут, так и пишут, то есть, их жизнь находит свое продолжение в творчестве. Как живу, так и пишу, как отношусь к окружающему миру, так и показываю этот мир в литературе. Искренность, неприворотность в жизни и творчестве — признак русской национальной, идущий от древнерусской литературы. В ней невозможна была уводящая от реальной жизни выдумка, ложь, лукавая маска. Литература Древней Руси — словесность благородного духовного стояния перед Богом, грандиозной ответственности за каждое слово, которое, согласно Евангелию, есть Начало всех начал. Кроме того, прямодушие и пристота всегда были свойственны русскому фольклору с его сказками и былинами, песнями и обрядами, пословицами и поговорками, с его героями-простоцами и бессребрениками, их нелицемерным поиском правды.

Отсутствие маски, искренность с читателем — характерная черта подлинно русского таланта. Таким был Пушкин, не лукавивший ни в юношеских «падениях», ни в зрелом «вознесении» к истине. Такими были Гоголь, Тургенев, Тютчев, Некрасов, Достоевский, Чехов.

В XX веке в русской литературе открытость и честность перед читателями оставались неизменной чертой многих: М. Шолохова и М. Булгакова, Н. Клюева и С. Есенина, И. Бунина и И. Шмелева, А. Платонова и М. Пришви-

на, В. Шукшина и Н. Рубцова и многих других. Например, как жил Н. Рубцов бесприютным странником, причастным ко всему русскому, таким он и остался в «Русском огоньке», в «Видениях на холме» и в «Тихой моей родине»...

Там, где есть искренность и ответственность за каждое слово, не может быть литературы узкотемной, отделенной от жизненно важных проблем. Тем не менее, очень хочется некоторым деятелям от критики и литературоведения развести русских писателей по загонам: этот — городской, тот — деревенский, этот — производственный, тот — обличитель. Но подлинный талант, с какой бы тематикой ни начал, всегда преодолевает местничество и ограниченность. Писатель, становясь национальным, обретает верное понимание народного образа мира, ощущает общенародный путь к Богу.

Еще в 1970 году в статье «Деревенская тема в кино» Василий Иванович Белов объяснял ретивым искусствоведам: «Никакой чисто деревенской, замкнутой в себе проблема нет, есть проблема общенародная, общегосударственная». Аутономия и обособленность, по его мнению, выгодна тем, кто не способен (в силу ограниченности своего дарования) или осознанно не желает говорить и творить с общенародными позициями. Личной ограниченностью от общего потока жизни многие стремятся «маскировать творческое убожество и халтуру».

(Окончание на стр. 2-3)

Память

Олег Зобов родился 23 февраля, в День защитника Отечества.. В издательстве «Российский писатель» вышла книга, рассказывающая о его жизни и о его воинском подвиге.

Стр. 14

Культура

ОБРАЗ РОДИНЫ

54 млн. рублей выделило государство на биеннале — контрактурную выставку, способствующую не только эстетической, но и нравственной деградации граждан России. Между тем, на общероссийскую выставку работ настоящих художников, равных которым уже не осталось в мире, из казны не было затрачено ни копейки. А это значит, что наша власть своим культурным уровнем просто не соответствуют великим культурным традициям нашей страны.

Огромная, во весь фронтон Центрального дома художников в Москве надпись сообщала об открытии выставки «Образ Родины. Русская пейзажная живопись» — той выставки, которая с большим успехом уже прошла в русских городах Орле, Вятке и Вологде и переехала в начале февраля в столицу. Гигантский плакат поглотил реклами выставок модернистов, похожие с их доморощенными претензиями на престол в русской живописи на пакостные граффити.

(Окончание на стр. 3)

Николай Крижановский.
кандидат филологических наук
станица Прочноокопская,
Краснодарский край
(Окончание. Начало на стр. 1)

Автономность, зацикленность на одной теме никогда не были свойственны В. Белову. Сын погибшего на Смоленщине в 1943 году русского солдата, он всем своим творчеством, каждым своим словом защищает не только северные деревни, не только крестьян, но и всю Россию, весь свой народ.

Русская боль Василия Белова ощущима во всех произведениях. Писатель всегда прямо говорит о достоинствах и недостатках жизни родного народа, родной страны.

В. Белов, как многие его современники и единомышленники, прымодушен и открыт. Публицистика и художественные произведения писателя, даже если они порой игриво-насмешливы («Бухтины вологодские»), становятся предельно честным разговором с читателем. И никакой карнавальности, массовочности, никакого глумления.

Современный русскоязычный писатель Вл. Сорокин обдает читателя фекалиями, гадит матом, выдает прочие нечистоты, а в своей жизни ничего подобного написанному им в произведениях ни в коем случае не допустит. Утонченный садомазохист и ниспровержатель ценностей, поэт извращений и «цветов зла» Виктор Ерофеев на самом деле очень прагматичный человек с ярко выраженной ориентацией на отнюдь не русские народные ценности. Искусство и литература для сорокинских, ерофеевых и им подобных (от Саши Соколова до Григория Остера) – это место заруботка, а не священный алтарь. Такой типично западный подход к словесному, да и вообще любому творчеству стал основой для многих авторов.

В. Белов – наследник русских классических литературных традиций. В центре внимания писателя – русский человек в его поиске ответов на главные вопросы: кто я? зачем я? Герои произведений В. Белова путем страданий, испытаний, утрат обретают ответы на эти вопросы. Всех своих читателей он ведет к постижению са-моотреченной любви к близким и к Родине, к христианскому миропониманию, к традиционной жизни в согласии с идеалами предков. По этому пути идут Гринев А. Пушкина, Раскольников Ф. Достоевского, Пьер Безухов и Андрей Болконский Л. Толстого, Иван Северянович Н. Лескова, студент Иван Великопольский А. Чехова и многие другие герои русской литературы. Личность, наделенная нравственным поиском и способностью к духовному развитию – достаточно частое явление в художественном мире В. Белова. Можно вспомнить Ивана Африкановича («Привычное дело»), Ивана Тимофеевича («Весна»), майора («За тремя волоками»), Олешу Смолина и Константина Зорина (цикл «Воспитание по доктору Споку»), Иванова и Медведева («Все впереди»), Павла Пачина, Владимира Прозорова, о. Николая (романная трилогия «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой»). Такой герой близок автору, поскольку подобный путь проходит в жизни сам писатель.

Характерен для произведений Белова тип православной личности, неразрывно связанной с народной христианской-традиционной жизнью. Это и Катерина («Привычное дело»), и старуха Дарья («Такая война»), и теща Зорина (цикл «Воспитание по доктору Споку»), и о. Ириней, дед Никита Рогов («Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой»).

Русских, предавших свою веру, своих предков, свое прошлое В. Белов показывает в обилии. Например, Игнаха и Селька Сопроновы, Николай Мукуленков, Петр Штырь и др. («Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой») уполномоченный Бессонов (рассказ «Скакан казак»), Паша Куве-рик («Такая война»). Такое пристальное внимание к отрицательным про-

явлениям русской жизни является выражением типичной черты русской культуры и литературы, названной В. Кожиновым «потребностью «самосуда»». Именно этой потребностью можно объяснить критичность многих произведений писателя. Человек, мало-мальски интересующийся отечественной словесностью, без труда найдет у многих русских классиков XIX–XX веков героев, соответствующих двум последним типам личности.

Особенно ощущима связь творчества В. Белова с шохловскими произведениями, с шохловским мироощущением. Главный герой романной трилогии писателя Павел Пачин, как и Григорий Мелехов, неразрывно соединен с народной жизнью, с родной землей. Трудный путь испытаний ведет обоих к обретению подлинно русских ценностей. Сходство характеров иных персонажей Белова и Шохлова просто удивляет. Штокман и Миронов – это почти идеальные близнецы с интернационально-коммунистическим и антируссским сознанием. (У этой двоицы есть еще литературные «родственники». Один из них – Чекистов из «Страны негодяев» С. Есенина). Достойными наследниками Миронова и Штокмана, сменившими идею мирового коммунизма на идею глобального эгоизма, в художественном мире В. Белова становятся Михаил Бриш («Все впереди») и корреспондент («По 206-й»). Борец за советскую власть Михаил Коршунов в своем развитии вполне мог стать подобным Авинеру Козонкову.

Василий Белов пробился в люди и стал известнейшим писателем в советское время. Это, конечно, наложило определенный отпечаток на его личность. Но вот что интересно: коммунист Белов нигде не превозносит советскую власть и партию, нигде не поет здравицу руководству страны. Он всегда (в художественном творчестве в первую очередь) мыслит категориями государственно-народными, поднимается над узко политическим пониманием жизни на просторы исторического видения жизни России и народов, населяющих ее. Даже в очерке о заграничном походе кораблей военно-морского флота «За дальним меридианом», где сам собой напрашивалась «выход» на политические проблемы, Белов говорит о верности Родине и родным, о русской истории, героизме наших моряков.

Думается, что самым трудным и переломным для писателя стало время сразу после выхода в свет романа «Все впереди». Если осуждение троцкизма в «Канунах» почти не было замечено, встреча Зорина на охоте с нравственным уродством интеллигентов-привокаторов («Чок-получок») вызвало злую, но не сильную реакцию противников писателя, то публичное осмысление В. Беловым духовной сути московской левобережной антируссской интеллигенции в романном повествовании, названном «Все впереди», дало эффект воткнутой в муравейник палки. Сколько было обвинений, крику, визга, угроз в адрес писателя! Роман В. Белова по силе воздействия на общество сопоставим только с повествованием Ф. Достоевского «Бесы». Сегодня мы можем с уверенностью сказать: в 1985 году был написан роман-предвестник разрушения России.

Сразу после выхода романа на писателя навесили ярлык фашистско-антифашистского и антируссского сознания. На публикацию произведений Белова было наложено табу, действующее на многие издательства и по сей день.

Роман «Все впереди» вызвал очредное обвинение писателя в фарисействе и в желании переложить все беды русских на прогресс, город, другие народы. Но мало кто заметил, что именно русские Медведев, Иванов и Зуев наиболее грешные и виновные в своих бедах. Писатель не идеализирует главных героев, показывает их только в начале пути духовного становления, когда им очень далеко до взвешенного осмысливания жизни. Кроме того, Белов показал самый распространенный тип интеллигента-космополита, сыгравший решающую роль в начинающейся в 1985 году разрушительной перестройке. Нетрудно узнати в Брише а также его двойниках (академике, журналисте и прочих) А. Чубайса, Е. Гайдара, Г. Бурбулиса, В. Познера и им подобных застрелщиков разрушения России.

Формулировки, прозвучавшие из уст левых (и не только левых) критиков (Н. Ивановой, В. Лакшина, А. Мальгина, Д. Урнова, П. Ульяшова, И. Золотусского и других) во второй половине 1980-х – начале 1990-х, старательно и почти дословно повторяют их преемники в начале XXI века. Например, попытка Н. Лейдермана и М. Липовецкого осмыслить «Все впереди» приводит их к следующему пониманию логики автора произведения: «...что ново, что не деревенское, что «русским духом» не пахнет, то дурно». Им вторит А. Большакова, утверждающая, что роман Белова вступает «в резкое противоречие с предшествующими светлыми страницами» творчества писателя.

Так значит, страницы произведений В. Белова, где он показывает пьяного и облазенного быстрым городским заработком Ивана Африкановича, смердящего канцеляршины и селянином Авинером Козонковым, мистично-подлого Игнаха Сопронова и других не самых лучших своих героев-крестьян – это светлые страницы? Наверное, для критикессы они светлые потому, что она не жила и не живет вместе с крестьянством. Для нее, как, впрочем, и для многих ее подобных, мир русской деревни – чужой мир. Что бы там ни происходило, все это где-то «там». Но когда Белов показал, что не только в деревне есть уроды, мерзавцы, подлецы, что они живут и в Москве – его сразу обявили очернителем столичного бытия.

Может возникнуть возражение – речь у Большаковой идет о внутреннем ладе, проявившемся в изменении стиля писателя. В произведениях о городе, утверждают левые, стиль совсем иной – ломаный, беспокойный. Нет воспевания городской жизни, все видится вымоченным, в уродливом виде. На это замечание уже давно отвётил Ю. Селезнев, указавший, что

подлинный водораздел в художественном мире Белова проходит не между городом и деревней, а между жизнью живой и механически заведенной

В статье о В.И. Белове (Русские писатели XX века: Биографический словарь. – М., 2000.) А. Большакова говорит о грани, разделяющей Белова-художника и Белова-публициста. Первый, по ее мнению, «в лучших произведениях верен себе, своему утонченному психологизму и объективно-философскому взгляду на жизнь», а

началу 1990-х годов и в публицистике писателя появляется прямое выражение религиозного, православного осмысливания мира, делающее журналистское слово В. Белова возвышенно-трагическим. Писатель приходит к мысли: русский – значит православный, которую с особой силой выражает в очерке «Дорога на Валаам» и в воспоминаниях о В.М. Шукшине «Тяжесть креста».

В недавно вышедшем учебнике Н. Лейдермана и М. Липовецкого (Со-

Русский витязь Василий Белов

отношение к миру второго подчас резко и односторонне критично «до самоотрицания, до противоречия тому внутреннему ладу, который с большим трудом и терпением создается рукой Белова-мастера на страницах его «деревенской прозы» (82). Думается, что более издевательское отношение к писателю трудно было выразить в рамках не очень большой обзорной работы.

Некоторое противостояние публицистического и художественного начал наблюдается на раннем этапе творчества В.И. Белова в 1960-е-1970-е годы. Достаточно вспомнить его глубоко религиозные художественные прозрения в «Привычном деле», в «Плотницких рассказах», в «Канунах» и во многих других произведениях и сравнивать их с пониманием мира, воплощенным в публицистике того же времени. Почему так происходит? Да потому что в публицистике мы видим еще сырой, не обработанный художественным сознанием материал, который писатель не в силах удержать в себе. Яркое свидетельство тому – документальная повесть «Раздумья на родине» (1965-1975), в героях и ситуациях которой легко узнаются признаки ряда беловских рассказов. Но в последних все предстает в ином, глубоко осмысленном виде.

В публицистике Белов «говорит» о том, что наболело, а в беллетристике он «поет». И в эту песню вплетается вся жизнь с ее любовью и болью, с ее радостями и скорбями. Мелодия этой песни истинно русская, то печально-трогательная, то радостно-призывающая.

Постепенно, к концу 1980-х –

временная русская литература. 1950-1990-е годы. В 2-х т. – М., 2003.) творчеству В. Белова отводится очень скромное место. (Намного меньше, чем творчеству Ф. Искандера, Вл. Сорокина, Вл. Макарина, Иосифа Бродского и даже Саши Соколова) Авторы бегло обращаются к анализу повести «Привычное дело» и обзора затрагивают «Плотницкие рассказы», «Лад» и «Все впереди».

Особое внимание в учебнике по-чemu-то уделено взаимодействию голосов в произведении. Аналитическая часть статьи о «Привычном деле» выдержана в стиле административного слововерчения Авинера Козонкова: «В устройстве мира «Привычного дела» обективируется закономерность диалектического движения бытия, которую выражали народно-поэтический и авторский голоса» (Т. 2. С. 71). Завершая рассуждения о повести «Привычное дело», Лейдерман и Липовецкий приходят к такому выводу: «В. Белов не только дал развернутую картину очень непростой духовной жизни народа, но и ясно представил путь, по которому может и даже должен пойти сегодня каждый человек – это путь возвышения к мудрому миропониманию и ответственному самосознанию» (Т. 2. С. 72). Эти возвышенные, но ни к чему не обязывающие, а также и к кому конкретно не обращенные общие слова на фоне абсолютного пренебрежения авторов учебника к национальным проблемам, к подлинно русским (а не русскоязычным) писателям и конкретно – ко всему творчеству В. Белова свидетельствуют о многом.

При рассмотрении «Плотницких

рассказов» Н. Лейдерман и М. Липовецкий останавливаются лишь на финальной сцене примирения, разглядев в ней «стихийный, вечный абсурд, органически укорененный в народной жизни» (Т. 2. С. 73). Авторы учебника утверждают, что В. Белов, увидев абсурдность народного мира, испугался своего открытия. Именно поэтому он вскоре создал «Лад» и «Все впереди», чтобы «четко противопоставить идеальные черты народного мира дьявольским инородным влияниям» (Т. 2. С. 73). Но неведомек ученым толкователям произведения, что финал «Плотницких рассказов» принаследует вовсе не В. Белову, а «сработан» А. Твардовским, о чём волгодский писатель свидетельствует в воспоминаниях. Интересно, что «Лад» и «Все впереди» – это для авторов рекомендованного студентам вузов учебника ни что иное как «тушки деревенской прозы».

Во второй половине XX века В. Белов одним из первых заговорил о том, что во внутренней жизни, в повседневном быту у русских в России тоже могут быть национальные интересы. Нынешней президент это принял совсем недавно, а вот читатели и почитатели произведений В. Белова – в начале 1980-х годов, когда на сценах театров СССР появилась пьеса «По 206-й». В ней писатель поставил проблемы национального мировоззрения, подлинной гражданственности, верного служения Родине. Потому, с заслугами и грехами созидают Россию крестьяне Кости Смагин и Иван Степанович, принципиальный буквоед-законник из прокуратуры Борис, неопытная журналистка Тоня Андреевская, секретарь райкома. Даже бездомный тунеядец, скрывающийся от алиментов, живущий фанфаронски – и тот из русского мира: он – греческий русский странник. Но показанный в пьесе корреспондент областной газеты, чужд всему российскому, вне общей державно-созидающей жизни. Он может писать восхваляющие комбайнеров-ударников статьи и одновременно презрительно относится ко всему традиционному, способен на любую низость ради спасения карьеры и личного благополучия. Против этого антинационального типа человека и направлена пьеса. Поэтому она неразрывно связана с появившимся вскоре романом «Все впереди».

Немного откликов вышло на это произведение. Один из самых громких – обзорная статья Л. Аннинского «Шалости сфинкса» в журнале «Современная драматургия» (1983, № 7). В ней критик умудрился вообще умолчать об образе прогрессиста-корреспондента, обойти стороной тему национального и государственного созищания. Зато всем остальным героям пьесы достается от критика «по первое число». Авторское же отношение к изображенной действительности Аннинский называет «тайным отчаянием».

Василий Белов создал ряд замечательных пьес: «Над светлой водой», «По 206-й», «Бессмертный Кошеч», «Семейные праздники», «Князь Александр Невский». К сожалению, пьесы Белова сегодня изгнаны из театра. У нас практически не осталось смелых, талантливых русских режиссеров, способных вернуть драматургию писателя на сцену.

Труден путь русского человека. Еще более труден путь русского писателя. Не того, который только по крови и языку русский, а того, который ощущает свою живую «самую кровную, самую смертную» связь с Россией, который любит ее прошлое, борется за настоящее и живет верой в ее будущее и до последнего несет тяжесть своего креста. Василий Белов из таких писателей. Он – писатель-подвижник, через творчество которого приходит к простым людям в России православный русский дух. Крестьянские корни, живая, чуткая ко всему душа, отзывчивое, доброе русское сердце и дерзкий, не сгибаемый характер – вот черты русского витязя благозвучно по-русски именуемого Василий Иванович Белов.

Михаил Локошенко,
кандидат географических наук,

Есть вещи, которые возмущают до глубины души. Почему родной русский язык умирает на наших глазах? Скукоживается, подобно шагреневой коже? Таёт, как весенний снег? Сколько можно отступать и мириться с этим возмутительным, наглым напором каких-то, неизвестно откуда взявшимся, редакторов, дикторов, ведущих, журналистов?

Кто вообще стоит за кулисами, кто определяет эту политику? Помогите мы все еще лет пятнадцать назад сегодняшний телевизор – мы не поняли бы и половины так называемых «новых» русских слов. «Новых» в кавычках, потому что никакие это не новые слова, а просто тупое, безмозглое обезьянничанье, повторение английских слов русскими буквами – к месту и не к месту, где ни попадя. Да что это – модно, что ли, стало не говорить на родном языке? Сколько еще времени это может продолжаться?

Куда исчезли выходные? Почему вдруг стало принятым называть их уикенда? Куда пропали встречи в верхах, как именовались в советское время государственные визиты на высшем уровне? Почему они в однажды превратились в саммиты? С каких это пор попечители называются спонсорами? Управляющие – менеджеры? Председатель Правительства – премьером? Распределители – дистрибутерами? Градоначальники – мэрами? Высшая лига в футболе – премьер-лигой? Звуковые режиссеры в кино – саунд-продюсерами? Сколько можно, наконец, терпеть эту грязную и мутную волну?

А профессиональные филологи, маститые профессора из Института русского языка, спокойны как иоги. Видите ли, язык просто развивается! Не мешайте языку! Да что же это, наконец, такое? Они что – слепы и глухи? Где они увидели развитие? Да покажите мне хотя бы одно по-настоящему русское слово, появившееся на свет за последние полтора десятилетия! Нет ни единого, и развития никакого нет. Не существует никаких закономерных причин замены в языке слова «звук» на «саунд», «установки» на «инсталляцию», «вратаря» на «голки-пер», «нападающего» на «форварда», «покупок» на «шоппинг», «роверки» на «тестинг», «подводника» на «дайвера» и т.д. Сто лет назад говорили: у него есть своё дело. Теперь: у него свой бизнес. И так далее...

Нельзя уповать на то, что языки, дескать, мудр, и жизнь сама всё расставит на свои места. Язык-то мудр, да люди зачастую немудры. В моде у нас нынче обезьянничанье – самое разнуданное и пошлое. Эти повторы английских слов в восемидесятых годах составляли жаргон московских шлюх. Поедем, дескать, в Рязань! – это означало у них «поедем в гостиницу Россия». Снимать клиентов. Почему язык проституток становится теперь общенациональным?

Причин этого явления, думается, несколько. Во-первых, небрежность плохих переводчиков, которым часто лень на секунду задуматься и вспом-

нить русское слово – и вот, они просто пишут английские русскими буквами. Ничтоже сумняшеся, как говорится. Так в русскую научную литературу проникло множество латинских терминов, заняв в ней прочное место и вытеснив родственные русские слова. К примеру – диоксид взамен двуокиси, хотя русские и латинские обозначения издавна считались в химии равноправными. Эмиссия взамен излучения. Репрезентативность взамен показательности. И так далее, примерам этим – несть числа.

Во-вторых, слишком много стало

тут идёт в одни ворота, и это совершенно очевидно. Покажите мне – где, в какие иностранные языки вошли русские слова для обозначения изобретений русских учёных: электрической лампочки Яблочкина, радио Попова, кинескопа Зворыкина, вертолёта Сикорского и т.д.? Мы скоро сами забудем слово «спутник», вот что обидно. Если ничего не предпринимать, не бороться с этой напастью, то скоро у нас в языке взамен спутника появится искусственный сателлит – очередное «новое» русское слово.

Во всех официальных бланках се-

Родной язык становится чужим

дураков и дур, которые решили, что произнесение английских слов делает их умнее. Особенно в коммерческой среде, среди так называемых «новых русских» мелкого и среднего пошиба. Причём эти люди, как правило, сами весьма плохо владеют английским языком. Те же по-настоящему образованные представители делового мира, кто говорит по-английски действительно хорошо, изъясняются на безупречно правильном русском языке.

Если язык подобен живому существу, то русский язык ныне – тяжело больной человек, взывающий о помощи. И не нужно утешать себя тем, что заимствования, дескать, были всегда. И что амбар, сундук – якобы такие же чужеродные для нас слова, что и какой-нибудь провайдер, лизинг и дриблинг вместе с менеджером (кстати, что это? управляющий? руководитель? сам чёрт ногу сломит...). Да, многие тюркские слова, вошедшие в нашу речь в середине прошлого тысячелетия, действительно, обжились в нём и стали для русского человека родными, привычными. Но это отнюдь не повод сегодня к повальному засорению языка английскими терминами и к отвержению близких, родственных слов исконно славянскими корнями. Каждому очевидна разница между коренным американским индейцем, предки которого в незапамятные времена пришли в Новый свет через Берингов пролив, и очередным нашим евреем, приехавшим в Америку только вчера.

Почему в других славянских языках автомобиль называется «самоходом»?

Это, кстати, дословный перевод на русский язык слова «автомобиль». Почему «парашют» у западных славян – «падак»? Почему фотография ещё сто лет назад называлась в России «светописью»? Тоже, кстати, дословный перевод, и даже более короткий и удобный для языка. Как видно, бездумное повторение чужеродных терминов – это давняя наша беда, и началась она не сегодня.

Часто ссылаются на технический прогресс, на необходимость заимствования терминов иностранных изобретений. Но прогресс здесь явно не при чём. К примеру, мы первые в мире запустили искусственный спутник – и что же? Русское слово «спутник» облетело весь мир и вошло в другие языки? Всем известно, что нет. Игра

годня, наряду с паспортными данными, адресом и телефоном, непременно присутствует строчка «E-mail». Причём непременно латинскими буквами. Да переведите вы её на русский – «электронная почта»! Что тут сложного? Бойтесь, что ли, русских слов? Почему бы так называемые «маркеры» не называть выделителями текста? А «стеллеры» – скрепителями? Это же так естественно, это же само просится на языки!

Родная речь наша разрушается на глазах, разрушается каждодневно. Полвека назад была предпринята лишь одна попытка повернуть вспять этот процесс: когда геликоптеры было предложено называть вертолётами, а корнеры в футболе – угловыми. Но какую же бурю негодования это вызвало у нашей просвещённой интеллигенции! Сколько язвительных стрел и изёвок было выпущено в адрес зачинателей этой реформы, сколько бесноватых умников бились в истерике и клямили эту единственную рабскую попытку спасти хоть что-то в родном языке.. Прорабы перестройки, чёрт их дери... Как же иначе, это ведь были сталинские времена! Разве могло быть вообще что-то хорошее в конце сороковых годов! Попробуйте поговорить с этими борзописцами о русском языке. У них у всех – один шаблонный, заученный когда-то аргумент: дескать, не называть же калоши мокроступами! В этом месте почему-то полагается смеяться. И вот они сами, как по команде, заливишь хохоту от этого слова «мокроступы». Им смешно, а мне нет. Мокроступы – ну и что?

Всем известно, что, скажем, во Франции действует закон о защите французского языка. Что в Финляндии даже техническим терминам, таким как «электричество», присваиваются эквиваленты с исконно финским корнем. Их государства радеют о родном языке. А наше, кажется, больше печётся об английском. Во всех русских городах и сёлах в приказном порядке вводятся таблички с обозначением наших населённых пунктов латинскими буквами. А как же иначе – вдруг какогонибудь заезжего англичанина занесёт нелёгкая, скажем, на станцию Грязи! Где-нибудь на Тамбовщине. Так вот – как бы неудобства человека не почувствовал! Спасибо ещё, что русские названия на этих табличках пока остаются рядом с английскими...

эпическая панорама весенней Тотьмы и другие шедевры вологжанина Валерия Страхова стали «гвоздем» выставки, их публика воспринимала с энтузиазмом, подобным успехам передвижников.

На выставке присутствовали все лучшие художники России. Убеленные сединами академики, лауреаты всех советских премий, по праву лучшие художники мира – Ефрем Зверков, Афанасий Осипов, Валентин Сидоров, Виктор Иванов, Владимир Шербаков, Михаил Абакумов, Андрей Тутунов и многие другие царствовали в зале, где была наконец-то явлена вся духовная сила отечественного искусства, вся его мощь.

О будущем, как отличительной черте русского пейзажа, говорил председатель правления Союза художников России Валентин Сидоров: «Мы ждали этого дня долго, но

Когда у нас иностранный турист вежливо спрашивает, как это будет по-русски, и слышишь, и слышишь слово, он начинает смеяться. И правильно делает, что смеётся. Если мы не уважаем свою родную речь, то и нас самих уважать не за что.

Не грех бы в этой связи вспомнить еврейских патриотов – энтузиастов, возродивших в двадцатом веке свой древний язык – иврит. Возродивший его по существу с нуля, после долгих столетий забвения иврита в обыденной бытовой речи. Всистину – вот с кого нам, русским людям, стоило взять сегодня пример. О чём говорит опыт возрождение иврита? Нет в языке ничего невозможного, безвозвратно упущеного или потерянного – всё или почти всё можно вернуть! У нас же, видите ли, стало модно изъясняться не по-русски. Почему мы должны с этим мириться? Говорят, что развитие идет по спирали. Где эта спираль, покажите мне её? Где следующий виток? И сколько можно его ждать?

Ещё великий собиратель русского языка, В.И.Даль, беспокоился по поводу его оскудения. Тревожит исчезновение исконных русских слов и ныне здравствующего А.И.Солженицына.

Ничего само по себе не уйдёт, и бороться как-то надо. Учёным-гуманистам в первую очередь, журналистам, писателям. Как бороться? Самое главное, по сути определяющее обстоятельство – установки редакторов телевидения. Телевизионный эфир – настолько мощное средство воздействия на людей, что возможности его трудно переоценить. В несколько меньшей степени это относится и к центральным газетам. Когда на каком-нибудь телевизионном канале вдруг исчезает очередное русское слово, знакомое и понятное всем, а вместо него появляется унылый урод с обязательным «ингом» на конце, это означает только одно – что в своих внутренних инструкциях для дикторов какие-то редакторы так решили. Потому что это, видите ли, модно! В итоге огромное число настоящих русских слов, являющихся дословным переводом перлов этого новояза, уходят в никуда.

Любая мода, разумеется, управляется. Если дикторы в выпусках новостей вернутся к выражению «встреча в верхах», вся страна вскоре забудет про саммит. Требуется, прежде всего, подготовить и издать специальный «русско-русский» словарь, в котором катастрофически исчезающие слова были бы собраны и упорядочены вместе, в единое целое. Например: результат – итог, аргумент – довод, процесс – действие, имидж – образ и т.д. Нужно обязать редакции телевизионных каналов, во всяком случае, государственных, следовать канонам и устоям правильной русской речи. Пусть хотя бы дикторы и герои телевизионных сериалов научат говорить по-русски, подавая нам всем благой пример. Хотя бы там, где это возможно. Разумеется, никто не предлагает доводить это дело до бессмыслицы. Но какие-то шаги предпринять в этом направлении необходимо. Телевидению сего гигантской, почти неограниченной властью над умами вполне по силам добиться, чтобы говорить на родном языке стало модно. И – дай Бог, чтобы так оно и было.

вот он пришел. Покажите, где хоть одно безразличное полотно, где хоть одна бездарная краска?!» «Пейзаж спасает наше искусство, – заявил в продолжении народный художник России, академик Виктор Иванов. – Энергия художников пошла в пейзаж». «На том и стоим!» – воскликнул Ефрем Зверков, отметивший в этот день свое рождение.

Февральский ответ модернистам настолько силен и могуч, что вряд ли они на своем бездарном биеналле, открывшемся в марте в Москве (Швейцария уже выделил 54 млн. рублей на его проведение), смогут хоть чем-то ему противостоять. Не по Сенеке шапка... Тем более стыдно, что она государственная, а выставка пейзажа – частная, не затратившая из казны ни копейки, но поэтому и свободная от всякой нечисти.

Наш корр.

ОБРАЗ РОДИНЫ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Выставка стала событием в культурной жизни Москвы, так как впервые за последние годы весь цвет русской живописи был представлен в присторных залах ЦДХ. Многие из лучших русских пейзажей были привезены из Вологодской областной картинной галереи, ставшей одним из организаторов масштабной акции. Народный художник России, академик живописи из Республики Саха (Якутия) Афанасий Осипов еще до открытия выставки, переходя от одной работы к другой, не мог скрыть своего восхищения: «Неужели у вологжан такое богатство?! Неужели у вас так много прекрасных картин?!

Действительно, выставка во всю северную ширь, распахнутое открыла